

УДК 82–1: 81'36

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРИЧАСТИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Елена Юрьевна Муратова

к. филол. н., доцент кафедры общего и русского языкознания

Витебский государственный университет им. П. М. Машерова

210036, Республика Беларусь, Витебск, Московский пр., 33. mouratova@tut.by

В статье рассматриваются особенности функционирования причастия в поэтическом тексте. В анализируемых текстах выявляются случаи образования страдательного причастия непосредственно от существительного, что не характерно для русской языковой системы. Доказывается, что подобное словообразование обусловлено поэтическим контекстом, ритмической организацией текста, стремлением поэта выразить максимум смыслов в минимальном языковом сегменте. Показывается, что однотипность словообразовательной модели может становиться семантическим центром стихотворения, а также подчеркивается, что за счет грамматической и семантической оппозиции действительных и страдательных причастий в поэтическом тексте могут создаваться высказывания с глубоким подтекстом.

Ключевые слова: действительное причастие; страдательное причастие; словообразовательная модель; грамматическая оппозиция; окказиональность.

Изучение поэтического языка имеет многолетнюю историю, тем не менее грамматика поэтического текста остается наименее исследованной областью. Описание грамматики позволяет установить систему соответствий формально-грамматического и содержательного уровней поэтического произведения. Эстетические возможности таких элементов морфологии, как род и число существительных, вид, залог, наклонение, время и лицо глагола, формообразование прилагательных и других, неоднократно рассматривались как эстетическая ценность поэтической и художественной речи в работах И. И. Ковтуновой, Я. И. Гина, А. В. Бондарко, Л. В. Зубовой, О. Г. Ревзиной, И. А. Ионовой, Б. Ю. Нормана и нек. др.

Традиция изучения грамматики лирического текста опирается на представление о наличии «особого уровня грамматической образности в поэтическом тексте» [Цивьян 1979: 348]. Соположение терминов «грамматика» и «поэзия» впервые появилось у Г. Г. Шпета: «Поэтика в широком смысле есть грамматика поэтического языка, и грамматика поэтической мысли» [Шпет 1923: 2]. В классических и современных работах о грамматических категориях лица, времени, вида, определенности в поэтическом тексте грамматический уровень художественного текста анализируется как эстетически нагруженный,

обладающий собственным семантическим потенциалом. В рамках такого подхода постулируется существование особого уровня образности в поэтическом тексте, который рассматривается как глубинная семантическая организация текста. Описание грамматики дает возможность установить систему соответствий формально-грамматического и содержательного уровней поэтического произведения.

Р. О. Якобсон в 30-х гг. XX в. сформулировал тезис о том, что в поэзии грамматические средства выполняют эстетическую функцию и их семантическая поэтическая нагруженность может быть не меньшей, чем у лексических единиц [Якобсон 1983: 462; Якобсон 1987: 215]. Вопросам грамматики поэзии посвящен третий том его «Избранных трудов», а также монография «Poetry of Grammar and Grammar of Poetry» 1961 г. Важное научное значение имеют статьи Р. Якобсона о «грамматике поэзии» [Якобсон 1975; Якобсон 1983; Якобсон 1985; Якобсон 1987]. Анализируя поэтический язык А. С. Пушкина, Р. Якобсон писал: «В стихах Пушкина поразительная актуализация грамматических противопоставлений, особенно в области глагольных и местоименных форм, сочетается с тонким вниманием к выражаемому смыслу. Нередко отношения контраста, близости и смежности между грамматическими временами и числами, гла-

гольными видами и залогами играют непосредственно главенствующую роль в композиции того или иного стихотворения; подчеркнутые фактом вхождения в конкретную грамматическую категорию, эти отношения приобретают эффект поэтических образов, и мастерское варьирование грамматических фигур становится средством повышенной драматизации поэтического повествования с обостренным вниманием к значению связана яркая актуализация грамматических противопоставлений, особенно четко сказавшаяся в пушкинских глагольных и местоименных формах. Контрасты, сходства и смежности различных времен и чисел, глагольных видов и залогов приобретают впрямь руководящую роль в композиции отдельных стихотворений» [Якобсон 1985: 215].

Интерес к грамматической составляющей семантического плана художественного текста как одному из способов передачи индивидуальной художественной манеры автора проявляли В. В. Виноградов (см., в частности, его работу 1925 г. о языке Анны Ахматовой), Б. А. Ларин, Г. О. Винокур.

Воплощение потенциальных свойств языка может осуществляться также в модусе воспроизведения свойств грамматической формы и восстановления в поэтическом тексте утраченных в узусе языковых отношений, что открывает дополнительные возможности выразительности в поэзии. Так, Л. В. Зубова считает, что основными в рассматриваемом плане тенденциями к воплощению потенциальных свойств языка в современной поэзии являются следующие: восстановление грамматического синкретизма существительного, прилагательного и наречия, воспроизведение современным деепричастием свойств атрибутивного причастия, окказиональная реставрация деепричастием самостоятельной предикативности, воспроизведение грамматической атрибутивно-предикативной двойственности форм прошедшего времени, восходящих к перфекту, возвращение артиклевой функции местоимения *он* [Зубова 2000: 240].

М. Хайдеггер писал: «Язык обладает той особенностью, что мы в нем живем, ему доверены, обычно не направляя при этом на него свое внимание, и, таким образом, не замечаем его в его самости» [Хайдеггер 1991: 42]. Выход из этого положения М. Хайдеггер находит в поэзии. По его мнению, грамматические категории в поэтическом тексте стремятся к тому, чтобы стать сущностными характеристиками создаваемого художественного мира.

Мы считаем, что семантический потенциал грамматических категорий в поэтической систе-

ме русского языка определяется тремя основными составляющими, а именно: 1) языковыми возможностями переносного употребления грамматических форм, в результате чего возникают и реализуются определенные добавочные смыслы (рассогласование форм грамматического лица, актуализация категории безличности, противопоставление личных и безличных форм, возвратных и невозвратных, форм времени); 2) языковыми возможностями окказионального слово- и формообразования (окказиональное формообразование форм числа, рода, одушевленности/неодушевленности существительного, категории вида глагола, кратких форм имен прилагательных, форм сравнительной степени); 3) языковыми возможностями частей речи (различные случаи синкретизма, семантизация и актуализация служебных частей речи, концентрация / отсутствие форм разных частей речи).

В данной статье проанализируем специфику функционирования причастия в поэтическом тексте.

Причастие как атрибутивная глагольная форма, сочетающая в себе категориальные свойства глагола и прилагательного, может проявлять специфические особенности при функционировании в поэтическом тексте. Как писал В. В. Виноградов, «в формах причастий наблюдается необыкновенно острый и сложный процесс грамматической гибридизации. Смысловая структура этих форм подвергается глубоким изменениям. В причастной форме сталкиваются и объединяются противоречивые ряды значений» [Виноградов 1959: 230].

В современной поэзии глагол и его формы являются носителями новых глубинных смыслов, особенно это касается окказионального слово- и формообразования. Приведем некоторые примеры из поэтических произведений А. Вознесенского: *отшельничаю, берложу; виолончелили имели, иудить, скоропортящиеся поэты, склешенная ложь, нахмуренный ум, муж надкусанный, окрашенная гора; берег простроченный, неразгаданная сталь, золоченое разочарование*. Особенно активно окказиональные глаголы и их формы создает Е. Евтушенко: *чарльстонить, игрануть, околючили, злеют, альпиниствует, подгарчивать, поцелуйничать, просибириться, вхрупывайся, твистуют, мужествуют, отскрипывал, дожделался, драгоценю, эксплуатнут, подмаяковили, разгранититься, бронзоветь, разбессмертил, серьезничал, не моглось, недоубили, вобланем, неопьедесталенные, самовянуций, недорастрелянный, зафлаженный, вымечтанный, недосозданы, расстеклив, принавивься,*

*серьезничая, развихрясь, обесстыжев, проконья-
чась.*

В поэзии иногда наблюдается образование страдательного причастия непосредственно от существительного, что не характерно для русской языковой системы: *Чужеземкою обезум-
женный / Край* (М. Цветаева). *1. Жизнь – нища
или шикарна, / обесстыженная вся. 2. Зарылся
я, зафлаженный, как волк, / в доверчивый сугроб
ее постели. 3. Я так хочу сегодня, / чтоб вы во-
образили, / что не было свободней / меня или Фа-
зиля, нас, неопьедесталенных, / на приставных
скрипучих, / и, несмотря на Сталина, / к девча-
там приставучих...* (Е. Евтушенко). Подобное
чересступенчатое словообразование, в котором
пропущенное словообразовательное звено пред-
ставляет, как правило, не существующий в язы-
ке, но потенциально возможный глагол, обу-
словлено поэтическим контекстом, ритмической
организацией текста, стремлением поэта «скон-
денсировать» максимум смыслов в минимальном
языковом сегменте. В таких новообразованиях
происходит организация новых смыслов, не про-
явленных нормативными языковыми средствами.

По определению А. А. Потебни, причастия
представляют возникающий признак как данный.
Эта сущность причастных форм позволяет соз-
давать эффект «застывшего» движения. В систе-
ме языка страдательные причастия могут разви-
вать качественное значение, т.е. получают спо-
собность включать не только процессуальные, но
и признаковые его элементы. Иными словами,
сама онтологическая сущность страдательных
причастий – совмещение разных сем значения,
актуализация определенных сем значения в зави-
симости от контекста – как нельзя лучше отвеча-
ет потребностям поэтического языка. Стра-
дательные причастия образуются в русском языке
менее регулярно, чем действительные, так как
«глаголы, обозначающие длительный процесс и
имеющие формальное выражение длительности
или повторяемости, не образуют, как правило,
страдательных причастий прошедшего времени»
[Потебня 1976: 305]. Однако в поэтическом тек-
сте это возможно. Например, М. Цветаева сво-
бодно образует страдательные причастия про-
шедшего времени: *недознанный, недодышанный,
неутешенный, жаленный, дремленный.*

Иногда однотипность модели может стано-
виться семантическим центром стихотворения:
*Смерть – это так: / Недостроенный дом,
/Недовозвращенный сын, / Недовязанный снап, /
Недодышанный вздох, / Недокрикнуемый крик*
(М. Цветаева). Повтором однотипных узуальных
(*недостроенный, недовязанный*), архаических
(*недовозвращенный*) и окказиональных (*недоды-*

шанный, недокрикнуемый) причастий актуализи-
руется и «экспрессируется» значение приставки
недо-. В узуальном употреблении она имеет зна-
чение неполноты действия, в данном же контек-
сте приставка *недо-* получает философский
смысл «неполноты» жизни: «неполнота» жизни
любого человека, сколько и как бы он ее ни про-
жил, есть объективная и горькая реальность,
жизнь – всегда «недо-...».

Сложные трансцендентные смыслы могут вы-
являться при грамматической и семантической
оппозиции действительных и страдательных
причастий в поэтическом тексте. Так у
Е. Евтушенко: *1. Ведь только унижающий –
унижен. 2. Почему иду я по руинам / самых мои
близких, дорогих, / я, так больно и легко рани-
мый / и так просто ранящий других?*

Сложное противопоставление, имеющее глу-
бинный многоуровневый подтекст, наблюдаем в
следующих строках М. Цветаевой:

Восхищенной и восхищённой,

Сны видящей среди бела дня,

Все спящей видели меня,

Никто меня не видел сонной.

В этих строках выявляются окказиональное
причастие *восхищенная*, контекстные антонимы
спящая и *сонная*, соположение однокоренных
слов *восхищенной* и *восхищённой*. В данном цве-
таевском контексте лексемы *спящая* и *сонная*
являются абсолютными антонимами, поскольку
функционируют в разных семантических полях.
Спать, быть спящим в прямом, физическом
смысле – это нормальное, естественное состоя-
ние человека, и в данном примере слово *спящая*
употреблено, с одной стороны, в прямом (обще-
употребительном) его значении, проявляющемся
в семантическом поле «сон», с другой – в мета-
форическом значении: *не живущая реальной
жизнью, реальностью*. Совсем иное значение
имеет слово *сонная*. Его прямое значение отра-
жает физическое состояние человека, который
хочет спать, почти спит или только что проснул-
ся, т.е. также относится к фракталу «сон»; его
узуальные переносные значения достаточно раз-
нообразны: неактивный, медлительный, неэнер-
гичный человек и под.; такое значение реализу-
ется во фрактале «неактивность». Вектор глу-
бинного смысла направлен из фрактала «сон»,
«неактивность» во фрактал «не творческий че-
ловек». Значение лексемы *сонный* в данном кон-
тексте таково: не живущий, не думающий, не
духовный, не творческий человек. Противопос-
тавление активизирует вторая строка: *Сны видя-
щей среди бела дня...*, потому что видеть сны
днем – это метафорическое выражение себя, а
именно: жить в мире своего бытия, своей духов-

ной высоты. Таким образом, новые смыслы появляются во фракталах «духовность/бездуховность»: кроме явных оппозиций: *спящий – сонный, все – никто*, главной антитезой здесь является совсем иное, глубинное противопоставление: **Я, видящая сны среди бела дня** и **не-Я – сонная**, т.е. противопоставление на уровне бытийности – обыденности, духовность – бездуховность, поэт – не-поэт.

Особое внимание привлекает первая строка четверостишия: *Восхищенной и восхищённой...* Художественное соположение двух причастий создает условия для возникновения нового глубинного смысла. Окказионализм *восхищенной* является здесь страдательным причастием: лирическая героиня является не субъектом, а объектом действия: кто-то (что-то) направляет ее чувства в русло восхищения. Но это еще неокончательное, не наивысшее, не насыщенное до конца восхищение. Когда героиня сама становится субъектом действия, становится *восхищённой*, вот тогда наступает для нее необходимая, а по сути – беспредельная степень насыщения высшим для нее смыслом бытия. В итоге именно соположение этих двух лексем, а не одно только отглагольное прилагательное *восхищённой*, действительно способно передать наивысшую степень духовности лирической героини.

Смысловое ветвление фразы может иметь и другой смысл. По своей структуре *восхищенная* полностью повторяет другое слово – *похищенная* (по своему звуковому составу – это тоже почти полное наложение, за исключением приставки). Более того, первичное значение глагола *восхитить* – «похитить, подняв вверх» (Традиция поэтического употребления слова с таким значением и ударением восходит к сакральным текстам, например: *Я сказал: Боже мой! Не восхити меня в половине дней моих!* [Библия 1990: Пс., 102/101; 25]). С глаголами движения и их производными приставка *вос/воз* имеет значение “двигаться вверх или находиться наверху”: *восходить, возноситься, восхождение, вознесение, возвышение*. Отсюда возникает предположение, что *восхищенной* вместо *похищенной* – значит *унесенной вверх, ввысь*. «Сближая в тексте слова, – писал Г. О. Винокур, – давно утратившие ту взаимную связь, которой они обладали в силу своего этимологического родства или даже и вовсе никогда этой связи не имевшие, поэт как бы открывает в них новые, неожиданные смыслы, внешне мотивируемые самым различным образом...» [Винокур 1991: 393]. «Понятность» известного значения в условиях конкретного контекста изменяется, возникают новые смысловые приращения, которые могут базироваться на ак-

туализации уходящих из языка смысловых оттенков слова или на восстановлении тех смыслов и семантических связей слова, которые в языке им уже утрачены.

Синтагматическое соположение лексем *восхищенной и восхищённой* в одной строке рождает и парадигматическое «соположение»: происходит наложение значений и возникает новый смысл: *восхищенной* – это в определенной степени и *восхищённой*. Иными словами, данную строку – *Восхищенной и восхищённой* – буквально можно разложить на элементарные смыслы так: *похищенной ввысь с восхищением* или *вознесшейся ввысь и оттого восхищённой*. Кроме того, старославянское происхождение приставки *вос/воз* придает слову *восхищенной* ореол высоты и торжественности (ср.: *воспеть, воздвигнуть, воздать* и под.). Такая глубинная языковая игра со словом показывает устойчивое пристрастие М. Цветаевой к нестандартным языковым формам, к созданию экстремальных текстовых ситуаций. Организуя текст с помощью данных языковых средств, поэт кратко и емко выражает глубинную мысль стиха: лирическая героиня живет в мире своих духовных высот и только такое бытийное, творческое существование и является для нее истинной жизнью.

Таким образом, анализ показывает, что при функционировании в поэтическом тексте причастие проявляет специфические особенности (окказиональные формы, образование страдательных причастий непосредственно от существительных, совмещение разных сем значений, однотипность модели, грамматическая и семантическая оппозиция и др.), в результате чего содержательный план высказывания усложняется, в нем появляется глубокий подтекст и организуются новые художественные смыслы поэтического слова.

Список литературы

- Библия*. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. Минск: Беларусь, 1990. 1371 с.
- Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 654 с.
- Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М.: Высш. шк., 1991. 447 с.
- Зубова Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М.: Новое лит. обозрение, 2000. 432 с.
- Потебня А. А. Эстетика и поэтика: сб. М.: Искусство, 1976. 614 с.
- Хайдеггер М. Гельдерлин и сущность поэзии: пять ключевых слов // Логос. 1991. №1. С. 37–47.
- Цивьян Т. В. Наблюдения над категорией определенности – неопределенности в поэтическом

тексте (поэтика А. Ахматовой) // Категория определенности – неопределенности в славянских и балканских языках / отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Наука, 1979. С. 348–363.

Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты: в 3 т. СПб.: Колос, 1923. Т.2. 1922. 116 с.

Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика: сб. ст.: переводы / сост. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 462–482.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. / под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

Якобсон Р. О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 455 с.

Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 460 с.

SPECIFICITY OF THE PARTICIPLE FUNCTIONING IN POETIC TEXT

Elena Yu. Mouratova

**Reader of General and Russian Linguistics Department
Vitebsk State University named after P. M. Masherov**

The article deals with the specificity of the participle functioning in the poetic text. In the texts under inquiry the passive participle derived directly from the noun, which is not typical of the Russian language system, is analysed. It is proved that such derivation is determined by the poetic context, rhythmic organization of the text, and the poet's wish to express the maximum in a minimal language segment. It is proved that the same type of the word-building pattern becomes a semantic center of the poem. It is proved that due to the grammatical and semantic opposition of the active and passive participles the poetic text has complex implications.

Key words: active participle; passive participle; derivational model; grammatical opposition; occasional.